

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
9 July 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 75/2019* ** **

<i>Сообщение представлено:</i>	М.У.
<i>Предполагаемая жертва:</i>	В.У.
<i>Государство-участник:</i>	Германия
<i>Дата сообщения:</i>	18 января 2019 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	31 мая 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	Отсутствие соблюдения установленного в судебном порядке режима контактов между отцом и ребенком
<i>Процедурные вопросы:</i>	Недостаточное обоснование жалоб; статус жертв; исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	Наилучшее обеспечение интересов ребенка; разлучение детей с родителями; эффективное средство правовой защиты; справедливое судебное разбирательство — неоправданная задержка
<i>Статьи Конвенции:</i>	3; 4; 5; 8; 9, пункт 3; 12; 14; 16; 18 и 19, пункт с)
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	5, пункт 2; и 7, пункты е) и f)

1.1 Автор сообщения является М.У., гражданин Германии 1973 года рождения. Он представляет сообщение от имени своей дочери В.У., родившейся 5 мая 2008 года. Автор не представлен адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 14 апреля 2014 года.

* Приняты Комитетом на его восемьдесят седьмой сессии (17 мая – 4 июня 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ао-Ассума, Браги Гудбрандссон, Филипп Жафе, Хинд Аюби Идрисси, Бенуа Ван Кейрбилк, Сопоно Киладзе, Гехад Мади, Фейт Маршалл-Харрис, Отани Микико, Бэньям Дэвйт Мэзмур, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Зара Рагу, Айссату Алассане Сидику, Энн Мэри Скелтон, Велина Тодорова и Ринчен Чопхел.

*** К настоящим соображениям прилагается текст совместного (несогласного) мнения членов Комитета Браги Гудбрандссона и Велины Тодоровой.

1.2 В соответствии со статьей 6 Факультативного протокола Рабочая группа по сообщениям, действуя от имени Комитета, отклонила 24 июня 2019 года ходатайство автора о принятии временных мер. В тот же день Комитет принял решение отклонить просьбу государства-участника о рассмотрении вопроса о приемлемости сообщения отдельно от его существа.

Факты в изложении автора

2.1 Брак родителей В.У. был расторгнут решением суда от 10 октября 2014 года. До этого, 9 апреля 2014 года, окружной суд Потсдама определил место жительства В.У. у матери. Это решение было оставлено в силе Бранденбургским апелляционным судом 25 марта 2015 года.

2.2 В рамках первого разбирательства родители В.У. достигли соглашения о контактах между автором и его ребенком. Однако в рамках второго разбирательства мать обратилась за временным судебным запретом, чтобы сократить предоставленное автору время контакта. На судебном заседании 21 декабря 2015 года родители договорились о временном отступлении от действовавшего на тот момент порядка контактов, чтобы найти окончательное решение проблемы к концу мая 2016 года. Поскольку родителям не удалось достичь окончательной договоренности, были определены временные меры, установленные во временном судебном запрете от неуказанной даты.

2.3 25 июля 2017 года по просьбе автора окружной суд Потсдама принял решение об изменении порядка контактов и постановил, что автор имеет право и обязан иметь родительский контакт со своей дочерью каждые вторые выходные, начиная с четверга после школы и до утра следующего вторника, когда начинается школа. В этом решении окружной суд последовал рекомендациям экспертов, посчитавших целесообразными контакты между автором и В.У. В своем решении окружной суд отметил, что совместное воспитание ребенка родителями, о котором просил автор, невозможно, поскольку это потребовало бы от обоих родителей в равной степени и ответственно делить заботу о ребенке в повседневной жизни. По мнению окружного суда, такая возможность отсутствовала, учитывая тот факт, что родители не общались друг с другом. В то же время просьба матери о сокращении продолжительности указанных выше контактов между автором и В.У. также была отклонена, поскольку это не отвечало принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка. В этом отношении окружной суд отметил, что В.У. испытывала большой стресс из-за новой запутанной ситуации в домах обоих родителей и в особенности конфликтом между ними. В отличие от этого сам контакт не рассматривался как источник проблем ребенка. Окружной суд далее отметил, что в свете экспертного заключения нет никаких сомнений в том, что автор был способен выполнять свои родительские обязанности и что он с пользой проводил время со своим ребенком. Далее окружной суд отметил, что отношения ребенка с отцом заслуживают защиты, «даже если В.У. примет сторону матери в родительском конфликте». Окружной суд согласился с оценкой экспертов, предвидевших риск отчуждения между отцом и дочерью в случае продолжения показного поведения ребенка, которое может быть использовано ее матерью для дальнейшего сокращения или даже прекращения любых контактов между В.У. и ее отцом.

2.4 В неустановленную дату автор обратился с просьбой возобновить разбирательство по вопросу об определении места жительства ребенка. 25 июля 2017 года окружной суд Потсдама постановил, что ребенок должен оставаться жить с матерью. Автор обжаловал это решение и подал несколько жалоб для ускорения апелляционного производства.

2.5 Автор утверждает, что до февраля 2018 года он мог реально осуществлять свои права на контакты. Однако после этой даты мать стала препятствовать его встречам с дочерью в назначенные выходные дни без каких-либо оснований. В некоторых случаях она настаивала на том, чтобы два других неизвестных автору человека сопровождали ребенка во время свиданий, которые она ограничивала двумя часами. Автор сообщил об этих трудностях в управление по делам молодежи, которое не смогло вмешаться, поскольку мать отказалась участвовать в совместном обсуждении

этого вопроса. Поэтому управление по делам молодежи посоветовало автору подать жалобу в суд. В июле 2018 года мать вместе с мужем и ребенком переехала в Эттенхайм, находящийся примерно в 800 километрах от их прежнего места жительства. С тех пор автор не может установить контакт со своим ребенком. Управление по делам молодежи по новому месту жительства ребенка сообщило автору, что оно не может предпринять никаких действий до тех пор, пока не завершены судебные процедуры. Тем временем мать по-прежнему отказывалась от любого диалога с управлением по делам молодежи.

2.6 В решении от 19 июля 2018 года Бранденбургский апелляционный суд подтвердил отказ в удовлетворении ходатайства отца о передаче ему воспитания ребенка.

2.7 В период с августа по ноябрь 2018 года автор подал в апелляционный суд три жалобы, ходатайствовав об ускорении разбирательства. Некоторые из этих жалоб были отклонены, другие остались без ответа. 16 января 2019 года Бранденбургский апелляционный суд постановил приостановить право автора на контакты до 30 июля 2019 года на том основании, что контакт между автором и его дочерью, против которого последняя прямо возражала, поставит под угрозу благополучие и умственное и психическое развитие В.У. Апелляционный суд подчеркнул, что с февраля 2018 года ребенок неоднократно заявлял перед всеми соответствующими лицами, что не хочет иметь каких-либо контактов с отцом. Апелляционный суд постановил, что он не мог выбрать менее строгую меру, поскольку ребенок категорически возражал даже против контакта в присутствии других людей. Поэтому Апелляционный суд принял предложение матери не подвергать ребенка стрессу в первый год обучения в новой школе и только после этого возобновить процедуру установления контакта. Автор утверждает, что на это решение нельзя было подать обычную апелляцию.

2.8 12 февраля 2019 года автор подал конституционную жалобу на вышеупомянутое решение. 27 марта 2019 года Конституционный суд отказался принять к рассмотрению конституционную жалобу автора.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что была нарушена статья 3 Конвенции, поскольку соответствующие государственные органы не приняли во внимание принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, которые должны иметь преимущественную силу по сравнению с любыми другими затрагиваемыми интересами. В частности, автор утверждает, что управление по делам молодежи встало на сторону матери и часто бездействовало ввиду имеющихся в немецкой системе защиты детей структурных проблем (накопившиеся дела, плохие условия работы, нехватка людских ресурсов, отсутствие действенного надзора)¹. Автор утверждает, что семейные суды в Германии не могут реально соблюдать принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка не только в его конкретном случае, но и в более общем плане, так как из-за длительных судебных разбирательств дети остаются в состоянии неопределенности, пока родители конфликтуют по поводу воспитания ребенка и права на контакты.

3.2 Кроме того, автор утверждает, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции на том основании, что ввиду неспособности государства-участника обеспечить соблюдение прав автора на контакты, несмотря на установленные в судебном порядке договоренности о контактах, а также из-за затянувшихся судебных разбирательств он был лишен возможности выполнять свои родительские функции, права и обязанности и вносить вклад в развитие своего ребенка.

¹ Автор ссылается на доклад, опубликованный Европейским парламентом, в котором выявлены структурные проблемы в системе социального обеспечения Германии и содержится призыв к срочным изменениям. См. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/commissions/peti/document_travail/2009/418136/PETI_DT%282009%29418136_EN.pdf.

3.3 Автор утверждает, что согласно экспертным заключениям, составленным в ходе судебного разбирательства, мать В.У. злоупотребляет своими правами воспитания ребенка и жестоко обращается с ним. По мнению автора, В.У. стала зависимой от матери и не способна избежать влияния позиции матери и восстановить контакт с отцом без какого-либо внешнего/судебного давления. Отсутствие контактов ребенка с отцом и родственниками по отцовской линии представляет собой явное вмешательство в ее право на сохранение своей индивидуальности в нарушение статьи 8 Конвенции. Он утверждает, что именно государственные органы должны предоставить В.У. соответствующую помощь и защиту, чтобы как можно скорее восстановить ее личность². Автор также утверждает, что он был лишен своего права и обязанности оказывать влияние на развитие ребенка в нарушение статьи 14 Конвенции.

3.4 Ссылаясь на статьи 9 и 16 Конвенции, автор вновь заявляет, что его присутствие в жизни ребенка было признано способствующим развитию В.У. и, следовательно, заслуживает защиты. Тем не менее соответствующие государственные органы не предприняли усилий, обеспечивающих право ребенка на регулярные контакты с родителем, с которым он не живет, и не прекратили произвольное вмешательство матери в право ребенка на семейную жизнь — вопреки широкому ряду договоренностей о контактах, установленном окружным судом Потсдама.

3.5 Кроме того, автор утверждает, что, несмотря на то, что ребенок мог свободно выражать свою волю в ходе судебного разбирательства, соблюдение государственными органами статьи 12 Конвенции является лишь «иллюзией», поскольку экспертами было прямо установлено, что стойкое неприятие ребенком своего отца объясняется влиянием матери В.У. на свою дочь и внутренним конфликтом лояльности В.У. по отношению к матери, которая в течение длительного периода времени умышленно препятствовала ее контакту с отцом. Автор далее утверждает, что назначенный ребенку юридический представитель был предвзятым и вместо наилучшего обеспечения интересов ребенка представлял интересы матери. Автор утверждает, что юридические представители назначаются судами и поэтому с финансовой точки зрения от решения соответствующего судьи зависит, продолжат ли они выполнять свои функции в каждом конкретном случае. По мнению автора, такая схема подрывает независимость этих специалистов.

3.6 Кроме того, автор заявляет о нарушении статьи 18 Конвенции, поскольку вместо того, чтобы обеспечить признание принципа совместной ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка, семейное право государства-участника основано на принципе «один (родитель) заботится, другой (родитель) платит»³. Он утверждает, что из-за бездействия государственных органов он и его дочь были явно лишены соответствующего права.

² Автор ссылается на несколько решений Европейского суда по правам человека в отношении Германии, устанавливающих нарушение прав заявителей в аналогичных случаях. См. *Куппингер против Германии* (заявление № 62198/11); *Муг против Германии* (заявление № 23280/08 и № 2334/10); *Заунеггер против Германии* (заявление № 22028/04) и *Гёргюлю против Германии* (заявление № 74969/01).

³ Автор ссылается на статью 1687 Гражданского кодекса, которая гласит следующее:
Если родители, имеющие совместную родительскую опеку, проживают раздельно на постоянной основе, то при принятии решений по существенно значимым для ребенка вопросам необходимо их взаимное согласие. Родитель, с которым ребенок обычно проживает с согласия другого родителя или на основании решения суда, имеет право единолично принимать решения по вопросам повседневной жизни. Решениями по вопросам повседневной жизни, как правило, считаются те, которые принимаются часто и не имеют трудноизменяемых последствий для развития ребенка. Пока ребенок, с согласия этого родителя или на основании решения суда, проживает с другим родителем, последний имеет право единолично принимать решения, связанные с фактическим воспитанием. Предложение 4 пункта 1 статьи 1629 и предложение 1 пункта 2 статьи 1684 применяются с необходимыми изменениями.

Далее он ссылается на статьи 1606 и 1629 Гражданского кодекса.

3.7 Автор утверждает, что, несмотря на подтвержденную экспертами информацию о том, что мать потенциально подвергала благополучие В.У. опасности, оказывая на нее давление и отдаляя ее от автора, суды не исследовали этого вопроса в нарушение статей 4 и 19 Конвенции. Автор добавляет, что судьи по семейным делам не получают надлежащей подготовки и поэтому не способны оценить в соответствии с международными обязательствами государства-участника, что наилучшим образом отвечает интересам ребенка. Многие судебные решения наносят вред детям и препятствуют реализации их прав, о чем свидетельствует конкретный случай автора. Автор утверждает, что ситуация еще более усугубляется неоправданно затянутыми процедурами определения режимов опеки и контактов из-за чрезмерной загруженности судов, что неприемлемо для страны, которая должна располагать финансовыми средствами для решения этих структурных проблем.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения и ходатайства автора о принятии временных мер

4.1 В своих представлениях от 28 марта и 25 апреля 2019 года государство-участник просило Комитет признать сообщение неприемлемым по причине отсутствия у автора статуса жертвы и неисчерпания внутренних средств правовой защиты (см. пункт 2 статьи 5 и пункт е) статьи 7 Факультативного протокола). Далее государство-участник оспаривает приемлемость жалобы, поскольку она не была подписана ни автором, ни В.У. в нарушение пункта b) статьи 7 Факультативного протокола.

4.2 Что касается предполагаемого отсутствия статуса жертвы, государство-участник утверждает, что В.У. не давала согласия на представление сообщения и что автор, не являющийся ее родителем-опекуном, не может действовать от ее имени. Хотя вполне возможно, что в исключительных случаях родитель, не являющийся опекуном, может подать жалобу при условии, что это будет отвечать наилучшему обеспечению интересов ребенка, в данном деле можно с уверенностью предположить, что жалоба была подана против воли ребенка, который прямо и открыто отказывался от любых контактов с отцом. Этот отказ от контакта также послужил основанием для оспариваемого решения Бранденбургского апелляционного суда.

4.3 Кроме того, государство-участник утверждает, что автор не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, поскольку поданная им конституционная жалоба находилась на рассмотрении Федерального конституционного суда.

4.4 Что касается ходатайства автора о принятии временных мер, то государство-участник сначала представляет подробное описание аргументации, изложенной окружным судом Потсдама в своем решении от 25 июля 2017 года. Оно также отмечает, что, поскольку Бранденбургский апелляционный суд приостановил право автора на контакты до 30 июля 2019 года, предполагается, что после вынесения этого решения, т. е. 16 января 2019 года, власти государства не приняли никаких мер, способствующих контакту автора с его ребенком.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника в отношении приемлемости сообщения и ходатайства автора о принятии временных мер

5. В своем представлении от 27 мая 2019 года автор оспаривает возражение государства-участника относительно приемлемости его жалобы. Он отмечает, что 27 марта 2019 года Федеральный конституционный суд Германии отказался принять к рассмотрению его конституционную жалобу и что, таким образом, он исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты. Далее он утверждает, что то, как суды по семейным делам решают проблему разлучения детей, особенно с отцом, представляет собой систематическую проблему в Германии. Он подчеркивает, что государство-участник не прокомментировало его жалобу на чрезмерную продолжительность судебного разбирательства. Он отмечает, что после нескольких судебных решений Европейского суда по правам человека, установивших нарушения в аналогичных делах, государство-участник недавно приняло определенные меры для ускорения судебного разбирательства по вопросам семейного права. Однако в случае автора эти меры оказались неэффективными.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

6.1 В вербальной ноте от 29 октября 2019 года государство-участник представило свои замечания по существу дела.

6.2 По поводу предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции государство-участник утверждает, что в соответствии с этим положением концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка является лишь одним из факторов, которые необходимо учитывать. Поэтому наилучшее обеспечение интересов ребенка не является абсолютно приоритетным по отношению к другим частным и общественным интересам; в некоторых отдельных случаях наилучшие интересы ребенка могут играть второстепенную роль по отношению к другим охраняемым законом интересам. В любом случае в данном деле первостепенное внимание было уделено принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка, поскольку именно ребенок пожелал не иметь никаких контактов с автором. Статье 12 Конвенции также соответствует то, что судом по семейным делам была должным образом учтена воля ребенка, которому на момент принятия оспариваемого решения Бранденбургского апелляционного суда было 11 лет. Государство-участник утверждает, что якобы чрезмерная продолжительность разбирательства не дает оснований для иной оценки. В ответ на заявления автора относительно структурных недостатков системы социального обеспечения детей в Германии государство-участник заявляет, что в период с 2007 по 2011 год было проведено несколько аудиторских проверок, не выявивших никаких структурных проблем. Государство-участник объясняет, что задача по защите наилучших интересов своих детей ложится, в первую очередь, на родителей и что государство в этом отношении выступает в роли гаранта, поскольку если развитие ребенка окажется под угрозой, оно может вмешаться, применив определенные средства. Что касается роли управлений по делам молодежи, то государство-участник отмечает, что такие органы являются частью системы государственных органов, поэтому при исполнении своих служебных обязанностей их должностные лица должны придерживаться закона. Тем не менее, можно обратиться в надзорные органы или суды по административным делам с жалобой на любое совершенное должностными лицами неправомерное действие. Кроме того, государство-участник оспаривает утверждение автора о том, что его законы о семейных отношениях усугубляют конфликты вместо того, чтобы способствовать примирению. В этой связи государство-участник предоставляет общую информацию о своих законах, направленных на совершенствование системы защиты детей и бесконфликтное разрешение споров между сторонами. Оно также ссылается на такие обязательства в судебных процедурах в сфере семейного права, как *ex officio* расследования, назначение юридического представителя для детей и обязательство судов проводить слушания.

6.3 По поводу предполагаемого нарушения статьи 4 Конвенции государство-участник отмечает, что это положение содержит прямое возлагаемое на государства обязательство осуществлять все предусмотренные Конвенцией права. Соответственно оно предполагает только «объективное обязательство» и не порождает никакого «субъективного права» данного лица. Таким образом, автор не может в индивидуальной жалобе утверждать о нарушении статьи 4 Конвенции.

6.4 По поводу предполагаемого нарушения статьи 5 Конвенции государство-участник отмечает, что это положение предусматривает лежащую на семье или других лицах, несущих по закону ответственность за ребенка, обязанность должным образом направлять ребенка и руководить им в осуществлении тем признанных Конвенцией прав. Затем государство-участник ссылается на свое законодательство, касающееся прав и обязанностей родителей по уходу за своими несовершеннолетними детьми.

6.5 Что касается статей 7 и 8 Конвенции, то государство-участник подчеркивает, что эти статьи гарантируют право ребенка, насколько это возможно, знать своих родителей и право на их заботу. Однако при наличии уважительных причин это право может быть реализовано не при всех обстоятельствах, например если есть необходимость изъять ребенка из семьи. Поскольку в данном случае ребенок отказался от любых контактов с отцом, государство-участник в этом отношении не может быть

привлечено к ответственности, и ничто в материалах дела не указывает на отсутствие у В.У. возможности восстановить контакт с отцом, если она этого пожелает.

6.6 Что касается предполагаемого нарушения статьи 12 Конвенции, то государство-участник настаивает на том, что ребенок явно отказался встретиться со своим отцом.

6.7 Кроме того, государство-участник утверждает, что в пункте 3 статьи 9 Конвенции ничего не говорится о том, в какой степени государства-участники должны регулировать контакты между ребенком и родителем, не воспитывающим ребенка. По мнению государства-участника, обоснованный отказ ребенка от общения с родителем может быть решающим, даже несмотря на утверждения автора о том, что точка зрения ребенка может быть обусловлена позицией матери.

6.8 Кроме того, государство-участник утверждает, что в материалах дела нет ничего, что позволило бы предположить, что мать манипулировала ребенком до такой степени, что лишила ее возможности осуществлять свои права по статье 14 Конвенции.

6.9 По поводу предполагаемого нарушения статьи 16 Конвенции государство-участник утверждает, что концепция неприкосновенности частной жизни как «всеобъемлющего» фундаментального права охватывает все формы пользования, выражения и демонстрации того, что является неприкосновенностью частной жизни. Хотя она может включать действие или бездействие, которые могут причинить вред правообладателю, ее защита, однако, зависит от самостоятельных действий ребенка; сфера охвата и границы этого вытекают из статей 5 и 12 Конвенции. Что касается данного дела, то государство-участник ссылается на решение самого ребенка не общаться со своим отцом.

6.10 Кроме того, государство-участник утверждает, что из пункта 1 статьи 18 Конвенции не вытекает обязательство государств-участников предоставлять расставшимся родителям права на совместное воспитание ребенка. В случае раздельного проживания родителей, повышенную ответственность за ребенка из практических соображений несет родитель, с которым проживает ребенок. В то же время, если проживающие раздельно родители не могут прийти к соглашению о том, как выполнять свои родительские обязанности, государства-участники должны действовать исходя из принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка. Однако в таких случаях совместное воспитание может противоречить наилучшим интересам ребенка. Государство-участник повторяет, что в данном случае решение семейных судов оставить ребенка у матери соответствует воле ребенка.

6.11 По поводу предполагаемого нарушения статьи 19 Конвенции государство-участник утверждает, что это положение содержит прямое обязательство, лежащее на государствах, и не порождает никакого «субъективного права» данного лица. В любом случае, из представленной Комитету информации не следует, что В.У. подвергается физическому или эмоциональному насилию, оставлению без присмотра, сексуальному насилию или подобному отношению со стороны матери.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно существа сообщения

7.1 В своем представлении от 1 декабря 2019 года автор информирует Комитет о том, что ни он, ни другие родственники по отцовской линии не имели никаких контактов с ребенком до даты подачи автором представления, несмотря на возобновление процедуры установления контакта в окружном суде Эммендингена, которому подсудно данное дело в силу нового места жительства ребенка.

7.2 По поводу предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции автор утверждает, что не существует законного пути для подачи жалобы на технические недостатки в работе управлений по делам молодежи. Что касается дисциплинарной жалобы, он утверждает, что такое средство защиты неэффективно в силу того, что жалоба рассматривается соответствующим органом. Далее он отмечает, что законодательные реформы, направленные на ускорение судопроизводства, неудовлетворительны до тех пор, пока они не применяются судами на практике.

7.3 Автор повторяет приведенные ранее аргументы в подтверждение факта нарушения его прав по статье 5 Конвенции и подчеркивает, что печальная реальность такова, что в спорных случаях дети обычно теряют возможность общения с одним из своих родителей, несмотря на обязательства государства-участника, вытекающие из Конвенции.

7.4 По поводу заявления государства-участника о том, что в материалах дела нет ничего, что могло бы свидетельствовать об отсутствии у его дочери возможности восстановить с ним контакт, если бы она того пожелала, и что поэтому не было нарушения статьи 8 Конвенции, автор отмечает, что такое заявление явно отражает непонимание ситуации, особенно уязвимости ребенка в силу того, что она находится под влиянием матери и зависит от нее. Такие модели чрезмерной зависимости считаются вредными для личного развития и благополучия ребенка и не могут служить основанием для оправдания нарушения прав дочери по статьям 9, 12 или 14 Конвенции. Автор повторяет свои аргументы со ссылкой на статьи 18 и 19 Конвенции и добавляет, что Всемирная организация здравоохранения недавно признала отчуждение между родителем и детьми клинически значимым расстройством отношений, включив его в новое издание Международной классификации болезней (МКБ-11).

Дополнительная информация, представленная автором

8.1 11 марта 2021 года автор представил Комитету дополнительную информацию, согласно которой решение Бранденбургского апелляционного суда от 16 января 2019 года было последним решением, вынесенным на национальном уровне. Он утверждает, что, кроме подачи конституционной жалобы — чрезвычайного средства правовой защиты, которое не было принято к рассмотрению в марте 2019 года, — у него не было возможности обжаловать оспариваемое решение. Он повторяет, что 22 мая 2019 года он инициировал новую процедуру установления контакта в окружном суде Эммендингена. На первом слушании, назначенном на 2 июля 2019 года, окружной суд запросил экспертное заключение к 1 апреля 2020 года. Во время слушания как управление по делам молодежи, так и юридический представитель ребенка автора выразили обеспокоенность по поводу отсутствия у автора возможности общаться со своим ребенком, что может быть результатом отчуждения между родителем и ребенком и оказать пагубное влияние на развитие В.У. Юридический представитель также выразил обеспокоенность тем, что после предыдущего решения от января 2019 года суды не предприняли никаких мер, из-за чего стороны оказались в неблагоприятной ситуации, учитывая полное отсутствие контактов между отцом и ребенком⁴. Автор далее утверждает, что 10 октября 2019 года мать оспорила беспристрастность судьи, назначенного для рассмотрения дела, чтобы затянуть разбирательство. 9 декабря 2019 года жалоба матери была отклонена в ответ на просьбу автора ускорить принятие решения по данному вопросу. Ее апелляция на это решение была отклонена 19 июня 2020 года. Автор также просил вынести временное постановление, позволяющее ему восстановить контакт со своей дочерью в виде свиданий в присутствии других лиц; однако эта просьба до сих пор не удовлетворена, несмотря на поданные автором многочисленные жалобы с просьбой ускорить процедуру.

8.2 26 мая 2020 года юридический представитель В.У. сообщила окружному суду, что она уже более года не может установить контакт с ребенком ввиду отсутствия сотрудничества со стороны матери. Она добавила, что сложившаяся ситуация подрывает благополучие ребенка, и попросила суд принять меры⁵. 7 августа 2020 года автор подал новую жалобу на ускорение производства в соответствии с пунктом b) статьи 155 Закона о судопроизводстве по семейным делам, а также жалобу на бездействие суда, которая была отклонена 28 августа 2020 года. Тем временем окружной суд установил назначенному эксперту новый срок для представления своего

⁴ Протокол судебного заседания от 2 июля 2019 года подтверждает утверждение автора.

⁵ Представление юридического представителя в окружной суд от 26 мая 2020 года подтверждает утверждение автора.

экспертного заключения — до 1 ноября 2020 года. 5 октября 2020 года эксперт заявила, что она не сможет завершить работу над заключением, поскольку мать препятствовала ее встречам с ребенком⁶. 11 октября 2020 года опекун В.У. сообщила окружному суду, что мать препятствовала каждой ее попытке встретиться с ребенком. Поскольку с учетом обстоятельств данного дела юридический представитель не могла выполнять свою работу, она просила окружной суд удовлетворить заявление матери о ее отводе⁷.

8.3 Кроме того, автор утверждает, что, согласно некоторым медицинским заключениям, ребенок страдает от постоянной усталости, что может быть связано с тем, что мать дает ребенку лекарства, имеющие сильные побочные эффекты. Он утверждает, что состояние его дочери неоднократно не позволяло ей посещать школу и другие мероприятия и что неудовлетворительное состояние здоровья ребенка также использовалось матерью в качестве предлога для отмены запланированных встреч с юридическим представителем и судебным экспертом⁸. Автор отмечает, что управление по делам молодежи направило в суд запрос, в котором указывалось, что состояние здоровья ребенка ухудшилось и необходимо безотлагательно получить экспертное заключение. Если один из родителей будет препятствовать выполнению просьбы, рекомендуется разделить родительские права между родителями, чтобы избежать ущерба для ребенка⁹. Несмотря на это, судебное заседание состоялось 14 декабря 2020 года, однако новый срок для завершения работы над экспертным заключением установлен не был. Кроме того, за встречей между ребенком и судьей, состоявшейся 8 января 2021 года, не последовало ни временного распоряжения, ни решения, которое бы регулировало ситуацию. Во время этой встречи ребенок снова выразил нежелание иметь какие-либо контакты с отцом. 2 февраля 2021 года автор подал еще одну жалобу на ускорение разбирательства, которая была отклонена 8 февраля 2021 года. Апелляция на это решение была отклонена 31 марта 2021 года региональным судом Карлсруэ. Автор утверждает, что доступные правовые механизмы не являются эффективными средствами правовой защиты для ускорения судебного разбирательства в Германии.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 Согласно правилу 20 своих правил процедуры в соответствии с Факультативным протоколом, прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

9.2 Комитет принимает к сведению позицию государства-участника, согласно которой сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола и правилом 13 правил процедуры Комитета, поскольку предполагаемая жертва не давала согласие на представление сообщения, а автор сообщения не имеет права опеки над ребенком. Комитет напоминает, что в соответствии с упомянутыми положениями сообщение может быть представлено от

⁶ Представление эксперта в окружной суд от 5 октября 2020 года подтверждает утверждение автора. Из документа также следует, что адвокат матери также сказал ей, что без его присутствия никакой диалог с ребенком невозможен. Далее эксперт утверждает, что, согласно информации, полученной от психолога ребенка, ребенок страдал от постоянной усталости и нуждался в большом количестве сна, что требовало срочного обследования для определения основной причины болезни ребенка, которая может быть связана с тем, что она находилась в центре конфликта между родителями.

⁷ Представление юридического представителя от 11 октября 2020 года подтверждает утверждение автора. Из документа также следует, что она выразила обеспокоенность решением матери назначить юридическим представителем В.У. человека, которому она доверяла, что юридический представитель считает проблематичным с точки зрения объективности.

⁸ Представления судебного эксперта от 5 октября 2020 года и от 22 октября 2020 года подтверждают утверждение автора.

⁹ Представление эксперта в окружной суд от 22 октября 2020 года подтверждает утверждение автора.

имени предполагаемых жертв без их прямого согласия, когда автор может обосновать свои действия от их имени и когда Комитет считает, что это отвечает наилучшим интересам ребенка. При таких обстоятельствах родитель, не проживающий вместе с ребенком, должен по-прежнему считаться законным родителем и может представлять своего ребенка/своих детей в Комитете, если только не будет установлено, что тот не действует в наилучших интересах ребенка/детей. Должным образом взвесив конкретные обстоятельства каждого дела, Комитет счел, что у него не было препятствий для рассмотрения предыдущих сообщений, в которых поднимались аналогичные вопросы, в том числе в делах *Y и Z против Финляндии*, *K.P. против Парагвая* и *Ф.Ф., Т.Ф. и Е.Ф. против Панамы*¹⁰. Однако эти дела фактически отличаются от настоящего дела тем, что в предыдущих случаях государство-участник не возражало против приемлемости жалобы на этом конкретном основании и/или дети были младше и их мнения Комитету известны не были.

9.3 В настоящем случае Комитет отмечает, что, согласно имеющейся в деле информации, с февраля 2018 года В.У. неоднократно заявляла перед всеми соответствующими лицами, что она не хочет иметь никаких контактов со своим отцом. Комитет далее отмечает, что, согласно последней полученной информации, В.У. вновь твердо заявила о своем нежелании иметь какие-либо контакты с отцом на слушании, состоявшемся 8 января 2021 года. Комитет также отмечает, что В.У. сейчас 13 лет и что ее мнение необходимо должным образом учитывать в соответствии с ее возрастом и зрелостью. Переходя к вопросу о том, позволяют ли обстоятельства дела рассмотреть его, несмотря на отсутствие согласия В.У. на то, чтобы автор действовал от ее имени, Комитет принимает во внимание то, что недавно В.У. вновь отказалась от контактов со своим отцом и что можно обоснованно предположить, что, если бы В.У. была предоставлена возможность высказать свое мнение по данному делу, она не согласилась бы на подачу жалобы автором от ее имени. Хотя Комитет признает, что в некоторых случаях может возникнуть конфликт между мнением ребенка и его наилучшими интересами, Комитет отмечает, что в данном случае в течение соответствующего периода национальные власти не бездействовали. Комитет отмечает, что, помимо недавнего заслушивания ребенка судьей первой инстанции, для представления ее интересов был назначен юридический представитель, уже составлены экспертные заключения и ожидается представление нового экспертного заключения в ходе текущего разбирательства в окружном суде Эммендигена. В этой связи Комитет принимает во внимание предполагаемое нежелание сотрудничать со стороны матери, что помешало экспертам своевременно выполнить свои обязанности. Тем не менее Комитет считает, что ситуация, судя по всему, находится под контролем окружного суда Эммендигена и, как следует из стенограммы слушания дела В.У. от 8 января 2021 года, в ближайшем будущем предполагается встреча эксперта с ребенком. В этих обстоятельствах, хотя Комитет считает, что на момент подачи жалобы решение автора сделать это в отсутствие согласия его дочери было оправданным в соответствии с пунктом 3 статьи 13 правил процедуры Комитета в соответствии с Факультативным протоколом, последующие события заставляют Комитет прийти к выводу, что рассмотрение сообщения без явно выраженного согласия В.У. более не отвечает наилучшим интересам ребенка. Таким образом, Комитет считает, что он не может рассматривать сообщение в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола, трактующимся в совокупности с пунктом 4 правила 20 своих правил процедуры.

9.4 В этой связи Комитет постановляет следующее:

- a) признать сообщение неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение автору сообщения и, для информации, государству-участнику.

¹⁰ CRC/C/81/D/6/2016, CRC/C/83/D/30/2017 и CRC/C/83/DR/48/2018.

Приложение

Совместное (несогласное) мнение членов Комитета Браги Гудбрандссона и Велины Тодоровой

По вопросу о приемлемости

1. Мы выражаем несогласие с решением большинства, что данное сообщение является неприемлемым согласно пункту 2 статьи 5 Факультативного протокола и правилу 13 правил процедуры Комитета в соответствии с Факультативным протоколом.

2. Мы отмечаем, что события, произошедшие после подачи сообщения, привели Комитет к выводу, что рассмотрение сообщения без прямого согласия дочери больше не отвечает наилучшим интересам ребенка. Однако мы напоминаем, что в предыдущих делах, в которых поднимались аналогичные вопросы, в том числе в делах *Y и Z против Финляндии*, *K.P. против Парагвая* и *Ф.Ф., Т.Ф. и Е.Ф. против Панамы*¹, Комитет придерживался мнения, что сообщение может быть представлено от имени предполагаемых жертв без их явно выраженного согласия, когда автор может обосновать, что действует от их имени, а Комитет считает, что это отвечает наилучшим интересам ребенка. Мы отмечаем, что в деле *K.P. против Парагвая* ребенок мог считаться достаточно взрослым, чтобы выразить свою позицию, и все же Комитет не рассмотрел вопрос о статусе жертвы согласно соответствующим положениям.

3. В данном случае мы считаем, что трудно установить, каково независимое мнение ребенка относительно подачи сообщения ее отцом, и что ошибочно считать мнение ребенка определяющим фактором для признания сообщения неприемлемым, поскольку ребенок был полностью лишен безопасного пространства и поддержки для выражения своего мнения и есть свидетельства, позволяющие предположить, что на нее оказывается давление со стороны матери, чтобы она отказалась от контактов с отцом. Даже назначенный ей юридический представитель не смог получить к ней доступ, и неясно, знает ли она о том, что сообщение было передано в Комитет. Кроме того, специалисты выразили обеспокоенность по поводу изоляции ребенка матерью и явного ухудшения состояния ее здоровья. Поэтому мы считаем, что именно вопрос о предполагаемом отчуждении между родителем и ребенком и его потенциальном влиянии на выраженное последней желание не видеться с отцом является частью вопроса, находящегося на рассмотрении Комитета. В данных обстоятельствах мы не можем предположить, что сообщение было подано вопреки наилучшим интересам ребенка². Поэтому мы приходим к выводу, что нет никаких препятствий для признания сообщения приемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола³.

4. Кроме того, мы считаем, что для целей приемлемости автор в достаточной степени обосновал свои утверждения относительно того, что государство-участник не обеспечило контакт с его дочерью и не приняло во внимание наилучшие интересы ребенка, которые, как представляется, поднимают вопросы по статьям 3, 9 (пункт 3) и 18 Конвенции. Мы также считаем, что эту часть жалобы нельзя не признать приемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому Комитет должен был признать сообщение приемлемым.

¹ CRC/C/81/D/6/2016, CRC/C/83/D/30/2017 и CRC/C/83/DR/48/2018.

² См. также Laura Lundy, “‘Voice’ is not enough: conceptualising article 12 of the United Nations Convention on the Rights of the Child” в *British Educational Research Journal*, vol. 33, No. 6 (2007), pp. 927–942.

³ См., например, *Y и Z против Финляндии*, п. 9.4.

По существу сообщения

5. Мы считаем, что Комитет должен был определить, нарушило ли в обстоятельствах данного дела государство-участник право ребенка поддерживать личные отношения и прямой контакт со своим отцом на регулярной основе согласно пункту 3 статьи 9 Конвенции, не обеспечив контакт между автором и его дочерью. Комитет также не рассмотрел вопрос о том, свидетельствуют ли дополнительные утверждения автора, основанные на отсутствии контакта с его дочерью, о нарушении статей 3 и 18 Конвенции.

6. Мы напоминаем, что в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Конвенции государства-участники должны уважать право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка⁴. Далее мы напоминаем о решении Комитета, согласно которому судебные разбирательства на предмет установления прав общения ребенка с родителем, с которым он разлучен, должны проводиться в кратчайшие сроки, поскольку промедление может иметь непоправимые последствия для их отношений. Это подразумевает безотлагательное исполнение решений, принятых в результате таких разбирательств⁵. Мы также напоминаем, что толкование и применение законодательства входит, как правило, в компетенцию национальных властей за исключением случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или равнозначным отказу в правосудии⁶. Задача Комитета состоит в обеспечении того, чтобы их оценка не была произвольной или равнозначной отказу в правосудии и чтобы первоочередное внимание при этой оценке уделялось наилучшему обеспечению интересов ребенка.

7. В данном деле мы отмечаем неоспоримое заявление автора о том, что он и его дочь потеряли контакт друг с другом с июля 2018 года, поскольку этому де-факто препятствовала мать, несмотря на существование судебного решения, устанавливающего режим посещений между автором и В.У. Автор утверждает, что, не обеспечив исполнение такого решения и не пересмотрев порядок контактов после 30 июля 2019 года, хотя он неоднократно просил об этом, национальные власти не гарантировали право В.У. на регулярные контакты с родителем, не проживающим вместе с ребенком, несмотря на то, что его присутствие в жизни дочери было признано заслуживающим защиты. Мы также отмечаем позицию автора, согласно которой выраженное ребенком желание не общаться с ним не может оправдать общего запрета на любые контакты между ними в свете того, что ребенок подвергается отчуждению от одного из родителей. С другой стороны, мы отмечаем мнение государства-участника о том, что обоснованный отказ ребенка поддерживать контакт с родителем может быть решающим при регулировании прав на контакт, несмотря на утверждение о том, что на мнение ребенка может повлиять позиция ее матери.

8. Мы отмечаем, что, несмотря на судебное решение от 25 июля 2017 года об установлении порядка контактов между отцом и ребенком, автор сообщения начал сталкиваться с трудностями в осуществлении регулярного контакта со своей дочерью без надзора уже в марте 2018 года и что он довел эту информацию до сведения государственных органов. Однако его жалобы не были рассмотрены из-за незавершенной процедуры установления контакта в Бранденбургском апелляционном суде и отказа матери вступить в какой-либо диалог с автором и управлением по делам молодежи. Ситуация еще более усугубилась тем, что мать решила переехать в другой город, примерно в 800 километрах от прежнего места жительства, что в итоге привело к полной потере контакта между отцом и дочерью в июле 2018 года, несмотря на настойчивые просьбы автора. Мы отмечаем, что государство-участник не указало никаких мер, принятых национальными властями для облегчения контактов между автором и В.У., и в частности для смягчения трудностей, вызванных физическим расстоянием в результате переезда ребенка, ни в период с марта 2018 года по январь

⁴ Замечание общего порядка № 14 (2013), п. 70.

⁵ *К.Р. против Парагвая*, п. 8.7.

⁶ Там же, п. 8.5; и *Л.Х.Л. и А.Х.Л. против Испании* (CRC/C/81/D/13/2017), п. 9.5.

2019 года (когда было вынесено решение Бранденбургского апелляционного суда), ни после июля 2019 года (после истечения срока, на который права автора на контакты были приостановлены). В этой связи мы обеспокоены тем, что, несмотря на то, что данное решение содержало лишь временную меру, действующую до 30 июля 2019 года, суды не обеспечили, *ex officio*, срочный пересмотр порядка контактов в эту дату или после нее. Кроме того, по сей день не было выдано даже временного ордера в рамках новой процедуры установления контакта, начатой отцом по нынешнему месту жительства дочери, несмотря на явную озабоченность по этому поводу, выраженную юридическим представителем в окружном суде Эммендингена.

9. Что касается аргумента государства-участника, ссылающегося на выраженное ребенком желание не встречаться с отцом, мы признаем важность того, чтобы судебные органы должным образом учитывали мнение ребенка. Однако следует отметить, что задержки в решении этого вопроса привели к ситуации, когда ребенок был отрезан от отца и находится исключительно под влиянием матери. Мы также принимаем во внимание представленную Комитету информацию о том, что в контексте новой процедуры установления контакта, начатой автором 22 мая 2019 года, судебный эксперт, назначенный для составления экспертного заключения, и юридический представитель ребенка обе неоднократно уведомляли окружной суд Эммендингена о том, что они не могут установить контакт с ребенком из-за отсутствия сотрудничества со стороны матери и что в данных обстоятельствах они не могут выполнять свои обязанности по защите наилучших интересов ребенка. В этой связи мы отмечаем, что, несмотря на то, что окружной суд заслушал ребенка 8 января 2021 года, на сегодняшний день по-прежнему не было составлено экспертное заключение и не вынесено решение.

10. Мы напоминаем о замечании общего порядка № 14 (2013) Комитета, в котором было сформулировано, что согласно статье 3 Конвенции о правах ребенка ребенок наделяется правом на то, чтобы его наилучшие интересы оценивались и принимались во внимание в качестве первоочередного соображения при принятии в его отношении любых действий или решений как в государственной, так и в частной сфере. Бездействие или несовершенство действий, равно как и воздержание от действия, также считаются «действиями»; речь идет, например, о случаях, когда органы социального обеспечения не принимают мер по защите детей от лишения заботы или от жестокого обращения⁷.

11. В свете вышеизложенного мы считаем, что тот факт, что государство-участник не приняло в период с марта 2018 года до приостановления прав автора на контакты действенных мер, призванных обеспечить соблюдение порядка контактов, установленного Потсдамским окружным судом в 2017 году, и пересмотреть порядок контактов после истечения срока запрета на контакты, который, предположительно, оставался в силе и после 30 июля 2019 года, нарушает право В.У. поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с отцом согласно пункту 3 статьи 9 Конвенции и ее право на учет ее наилучших интересов согласно статье 3. Мы также считаем, что бездействие государства-участника равносильно нарушению обязательства государства-участника предпринять все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка в соответствии со статьей 18 Конвенции.

12. Мы считаем, что факты дела, представленные Комитету, свидетельствуют о нарушении статей 3, 9 (пункт 3) и 18 Конвенции.

⁷ См., в частности, пункты 1 и 18.